

привести к полному или частичному поглощению одного опыта другим, иначе говоря, к полной или частичной утрате самобытности.

В данном случае, все будет зависеть от того, насколько сильна связь между исконными культурно-историческими традициями понимания мира и вновь вырабатываемыми в сознании носителей поглощаемого культурно-исторического опыта. Поэтому, в большинстве подобных случаев взаимопроникновение при таких условиях может быть негативным для одной из культур. Если же культурно-исторические традиции достаточно сильны в сознании носителей определенного культурно-исторического опыта, способны к трансформации и способствуют обогащению опыта понимания действительности, то обмен культурно-историческим опытом не приведет к потере самобытности, а, наоборот, будет способствовать ее усилению.

Особенно это важно сейчас, когда унифицируются многие формы пространства, начиная с научного и заканчивая обыденно-практическим, чтобы «не выпасть» из пространства мирового сообщества. Да, истина одна, но путь, проделанный тем или иным народом к пониманию этой истины, и сам характер понимания будут составлять неповторимую самобытность и индивидуальность каждого народа.

Литература и источники

1. Башков, Д.А. Семиотика Ч.С. Пирса и Ч. Морриса. – М., 2000.
2. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986.
3. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991.
4. Панарин, А.С. Испытание глобализмом. – М., 2002.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПЛЮРАЛИЗМ НАЦИОНАЛИЗМОВ ИЛИ КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?

Дунаев В. Ю., Курганская В. Д. (Алматы, Казахстан)

Глобализация межкультурных взаимодействий протекает под воздействием двух разнонаправленных трендов: 1) культурная гомогенизация, стирание границ, разделяющих расы, нации, государства; 2) рост социорегулятивной и мировоззренческой значимости этнокультурных, конфессиональных, языковых различий. Политика и идеология мультикультурализма являются реакцией на совокупное действие этих тенденций, размывающих устои легитимности национального государства.

Риторика мультикультурализма как проекта гармоничного сочетания этнокультурного, конфессионального, лингвистического многообразия с граждански-политическим единством национального государства выступает доминирующей формой неолиберальной идеологии в области этнополитики. Однако вопреки прямому значению термина, политика мультикультурализма заключается не в защите и поощрении культурного многообразия как

такового, а в принятии модели легитимации политических прав локальных этнических культур в качестве принципа нациестроительства. А.Р. Аклаев пишет: «Самая серьёзная критика мультикультурализма связана отнюдь не с убожеством бюрократического дискурса мультикультурной политкорректности, а с тем, что мультикультурализм в принципе сопряжён с опасностью реполитизации этнических различий» [1, с. 337] и с этнизацией социальных конфликтов. Помимо того, что идеология и политика мультикультурализма углубляют сегментацию социума по этнокультурным, конфессиональным и этнолингвистическим границам, перекодирование на язык этнодискурса всех социальных процессов создаёт искажённую оптику их анализа.

Понятие нации используется для обозначения двух принципиально различных по своему генезису и основаниям форм идентичности: 1) политической нации (Staatsnation) как договорной, юридически опосредованной территориально-государственной общности или согражданства; 2) этнокультурной нации (Volksnation) как дополитической коллективной идентичности, возникающей на основании единства происхождения, культуры, языка, обычаев, традиций, менталитета (национальной психологии, национального духа – Volksgeist) и т.д. Мультикультурализм выступает проектом политической интеграции двух этих семантически гетерономных и логически противоречивых модальностей коллективной идентичности, а кризис мультикультурализма стал закономерным результатом неразрешимости дилеммы этих форм идентичности в рамках неолиберального политического дискурса и соответствующей ему политической практики.

В эпоху формирования национальных государств культурная идентичность нации обеспечивала связующую общественную основу для политической идентичности. В современном мультикультурном социуме, утверждает Ю. Хабермас, этнокультурная однородность достижима лишь посредством подавления культурой господствующего большинства всех иных культур. Поэтому в рамках политического сообщества «культура большинства должна быть чётко отделена от политической культуры, которую, как следует ожидать, примут все» [2, с. 374]. Следует строго отличать эту генерализованную либерально-демократическую политическую культуру от культуры до-политических идентичностей.

Идентичность гражданской нации в национальном государстве основана на исключении этнонациональной модальности идентичности из легитимного политического процесса. Идентичность мультикультурного социума основана на согласовании многообразия этнокультурных различий с единством гражданской нации. Однако абстрактность синтеза Staatsnation и Volksnation делает государство всего лишь внешней и, по сути дела, случайной и необязательной формой сосуществования разного рода лингвистических, этнических и конфессиональных общностей. Недаром Ю. Хабермаса смущает вопрос о том, не является ли политическая культура гражданской нации (и конституционный патриотизм как её выражение)

слишком тонкой нитью для скрепления сложных, многосоставных обществ.

Согражданство как новый уровень юридически опосредованной солидарности граждан, вырванных из пут корпоративных общностей и традиционных коллективностей, вводит новый тип легитимации политической власти, в отличие от династической и религиозной форм легитимности. Гражданский национализм апеллирует именно к политической нейтральности многообразной культурной идентичности и единству гражданской идентичности нации-государства.

Риторика мультикультурализма исходит из иной презумпции, согласно которой легитимностью наделяется именно этнокультурное многообразие как модель нациестроительства. Поскольку же национальное государство не может существовать без единого культурного пространства, мультикультурализм воспроизводит превращённые формы национализма в своих собственных концептуальных моделях. При формальном соблюдении эгалитаризма легитимация мультикультурности происходит внутри доминирующей культуры и по её нормам. Например, в полиэтническом и мультикультурном Казахстане конституционно закреплён принцип недопущения дискриминации по языковому, национальному, религиозному признакам. Вместе с тем основой социокультурной интеграции и духовно-мировоззренческой консолидации общества признаются казахская культура и язык. Руководством республики провозглашен курс на построение гражданской нации, на формирование общегражданской идентичности. Однако этническая принадлежность сохраняет политическое измерение, в том числе в таких формах, как кооптация Ассамблеей народа Казахстана своих представителей в парламент; требование этническими группами их представленности в центральных и местных органах власти; использование в официальных документах формулировок типа: «казахи как государствообразующая нация» и т.д.

Есть все основания для предположения о том, что воспроизводство этнонационализма в неолиберальном проекте мультикультурного общества является одной из главных причин как теоретического кризиса, так и неэффективности практической политики мультикультурализма.

Национализм как «принцип легитимации политической власти в современном государстве» [1, с. 455] в дискурсе мультикультурализма неизбежно оборачивается той или иной формой этнократии, т.е. придания этнонации характера и статуса политического субъекта. В качестве такого рода системы артикуляции групповых интересов мультикультурализм, будучи, напомним, исконно сопряжённым с политизацией национально-культурных различий, выступает как *гетеронационализм* или *плюрализм национализмов*.

Эволюция мультикультурализма прошла несколько этапов, от всеобщего признания безальтернативности политики поощрения культурного многообразия в сложносоставных полиэтнических обществах до констатации кризиса и даже «провальности» этой политики в ведущих европейских странах. Фактически же провалился не мультикультурализм, а его

концептуальная модель и этнополитика неолиберальных политических элит западноевропейских государств. Когда добродетель плюралистической толерантности выступает субститутотом национальной консолидации, мультикультурализм легко обращается в этнонационализм и сепаратизм, а политкорректность – в агрессивную ксенофобию.

Нельзя не согласиться с тезисом В. Малахова: «Сколь бы сомнительными с теоретической точки зрения и амбивалентными по практическим результатам ни были политики поощрения культурного плюрализма, разумной альтернативы этим политикам не существует» [3]. В то же время вряд ли достаточно убедительны аргументы, приводимые В. Малаховым в пользу отказа от самого термина «мультикультурализм» на основании того, что этот термин «сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом» [3]. Исторические перспективы мультикультурализма определены тем, будет ли под этим брэндом и впредь продолжаться близорукая политика гетеронационализма, конструирование мультикультурного общества как механически агрегированных культурных, конфессиональных и языковых анклавов социума, или же в основу мультикультурализма будет положен кросскультурный диалог как политическая технология формирования культурной идентичности в условиях глобализации.

Литература и источники

1. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М., 2005.
2. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 364–380.
3. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? // Демоскоп Weekly. № 151–152. 22 марта – 4 апреля 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/analit04.php>.

ФИЛОСОФИЯ М. М. БАХТИНА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Жук Е. И. (Минск, Беларусь)

Понимание диалога у М.М. Бахтина не предполагает рассмотрение его как всего лишь одной из композиционных форм речи (монолог и диалог). Всякое вопрошание о мире с надеждой на ответ, вопрошание, вслушивающееся в голоса мира, рождает диалогическое пространство. Чистый монолог отличен тем, что окончательно лишен всякого адресата. Диалог же являет собой пространство встречи *смыслов*. Язык как система знаков служит лингвистической основой для возникновения металингвистического контекста диалога. Диалог возникает не во взаимодействии семантических значений предложений, а во встрече

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm